

весь мир уходит под воду

Андрей Жолдак «Как волк ВЫ МНЕ НРАВИТЕСЬ»

Вечерний 2004 - 12 авг. - с. 10

Украинский режиссер Андрей Жолдак – фигура яркая и скандальная. Харьковский драматический театр имени Шевченко, который он возглавляет уже несколько лет, много гастролируют по миру, показы его спектаклей в Москве и Питере неизменно вызывают бурю эмоций – и резко негативных, и восторженных.

Жолдак – хулиган и экстремал от театра: от любой, самой классической, пьесы он не оставляет камня на камне, все подчиняя своей буйной фантазии, навязывая зрителям свои правила игры. Этим летом в Харькове Андрей Жолдак выпустил премьеру под названием «Гольдони. Венеция». Масштабное полотно, где гибель в потопе

одного отдельно взятого города показана как гибель всего цивилизованного мира, а действие состоит из бесконечной череды стоп-кадров и «живых картин», в Москву пока не привезут. Зато в конце года столичные театралы смогут увидеть другой спектакль Жолдака – «Месяц любви» (по «Месяцу в деревне» Тургенева).

– Вы сказали, что 40 процентов от задуманного в спектакль «Гольдони. Венеция» не вошло. Что это за сорок процентов?

– Не вошло многое из моих «зон» – параллельных миров, которые я вижу. Дело в том, что большинство из того, что происходит на сцене – мои видения. Вот и сейчас я говорю с вами и вижу сцены, картинки... такими напыляемыми.

– Давно это с вами?

– Года три – после «Тараса Бульбы», спектакля, который я поставил в Питере. Я не анализирую, с чем это связано. Но иногда возникает тревога, что я не смогу эти видения воплотить. Вот я делаю театр здесь, в Харькове, у нас сложилась уникальная команда, думаю, на сегодняшний день это один из самых сильных восточно-европейских ансамблей. Мне кажется, такой самоотверженной, тренированной труппы мы не видели ни в Румынии, ни в Польше, ни в России. Но сам город, сама территория не готовы к тому, чтобы принять и воплотить все мои идеи. Потому что я мыслю очень креативно. Поверьте – я не хвастаюсь. В «Месяце в деревне» и «Гольдони» было много находок, идей, которые царапали сознание – я не реализовал их по техническим причинам. На Украине их реализовать невозможно. Есть деньги – но нет традиции, культуры исполнения, нет подходящих мастерских.

– Как сочетается теплая атмосфера, которая ощущается в театре, с жестким названием тренинга-лекции, с которым вы выступаете по миру, – «Как убить артиста»?

– Вот представьте: я – человек, а вы – волк. И я вас, конечно, очень люблю. Как волк вы мне нравитесь. Между нами постоянно возникает контакт. Но я помню, что вы – волк, а я – человек. И что нам никогда не встретиться. Вот эта любовь-ненависть и опасность – постоянная опасность! – то, что должно быть честно названо в отношениях между актером и режиссером. Когда режиссер рассказывает, что актер – его друг, а театр – это дом, он обманывает, потому что все равно он

фото Михаила Гутермана

«Когда режиссер рассказывает, что актер – его друг, а театр – это дом, он обманывает... Не хочу называть фамилии, но были очень хорошие режиссеры, которые поломали судьбы потрясающим артистам именно из-за этой неправды»

этого волка использует. Как дрессировщик. Да, он кормит волка, любит, но глобально он – безжалостный дрессировщик. Режиссер всегда несет ответственность за человека-актера. Не хочу называть фамилии, но были очень хорошие режиссеры, которые поломали судьбы потрясающим артистам именно из-за этой неправды. Потому что рано или поздно обязательно наступает момент, когда волка выкидывают из клетки. И для меня честнее обозначить это сразу, с первой же репетиции. Надо всегда помнить, что актер и режиссер – диаметрально противоположные профессии.

– На афише спектакля «Месяц в деревне» есть подзаголовок: «Изысканный театр для

изысканных людей». Для того, чтобы воспринять вашего «Гамлета» надо хорошо знать пьесу – иначе не уловить те обрывки сцен и диалогов, которые, хорошенько перемешав, вы оставили в спектакле. Какой он, ваш зритель – эстет или «простой» человек?

– Конечно, я ориентируюсь на образованную, утонченную публику. Тонко чувствующую – хотя и «простой» человек, не слишком образованный, тоже может быть тонким. Вот посмотрите как красиво: стоит белый стакан на белой скатерти. Если какой-то рабочий видит, чувствует это богатство оттенков, то он – мой зритель. Хотя я думаю, что мой театр – для немногих. Он не демократический,

не публичный, не народный. Есть известная теория о том, что существует около восьми процентов людей любой национальности, которые являются мозгом нации, развивают науку, искусство. Этот «озоновый слой» очень тонкий – но я бы хотел делать театр именно для таких людей. Меня совершенно не интересуют остальные 90 процентов.

– В Харькове вам поначалу было трудно?

– Катастрофически трудно. Пустые залы, редкие зрители уходили со спектаклей, били стекла камнями, чтобы я убрался из города. Писали, что я убиваю украинский театр. А сейчас пошла молодежь. Продвинутая, которая слушает музыку, читает книги...

Мне тяжело здесь. Я просто устал – мне надо ставить, руководить, но чаще уезжать из Харькова. Чтобы и город по мне соскучился, и я – по нему.

– В спектакле «Гольдони. Венеция» есть щемящий момент, когда в пустом зрительном зале (зрители сидят на сцене) собирается вся труппа – будто позирует для группового снимка, старается запечатлеть мгновение, которое скоро пройдет и станет историей...

– Это правильное ощущение. Дело в том, что этот спектакль – еще и об истории нашего театра. Ведь Харьковский театр имени Шевченко – бывший «Березиль» гениального режиссера Леся Курбаса. И наши актеры – театральные «потомки» тех самых артистов, что были учениками Курбаса и потом его предали. В 1935 году в театре состоялось собрание, во время которого Леся Курбаса обвинили в украинском национализме и вредительстве. Вскоре после собрания его арестовали и сослали на Соловки, где он и погиб. И только три артиста из труппы не проголосовали за отстранение учителя от руководства театром. Мне хотелось, чтобы эта кровавая история ощущалась в «Гольдони» – весь мир там уходит под воду, и театр вместе с ним.

Беседовала
Александра
АНТОНОВА